

Здравствуй, уважаемая редакция. Обращаюсь к вам с просьбой. Расскажите, пожалуйста, о том, как сложилась судьба у каждого из участников известного ансамбля «Битлз» после его распада в 1970 году. В частности, у Джорджа Харрисона и Джона Леннона.

А. МАМАЕВ.

г. Вере́зники.

Сегодня мы выполняем просьбу Алексея Мамаева и других читателей нашей газеты, перепечатывая из журнала «Ровесник» с сокращениями статью американской журналистки Л. Робинсон. В ней идет речь о судьбе Джона Леннона. Ранее (см. «МГ» за 6 июля 1977 г.) мы публиковали ее же статью о Джордже Харрисоне.

## «ДЕЛО»

Слушание дела, должно-го завершить почти шестилетнюю борьбу Джона Леннона за право на постоянное жительство в США, было назначено на час дня. Дня жаркого, и, казалось, здание иммиграционного отдела Нижнего Манхэттена вот-вот расплывется: потекут стальные переплеты и сухо хрустнут стекла.

Приехал Джон с Йоко и адвокатом Леоном Уайлдесом. На Джоне черный костюм, белая рубашка, черный галстук, черные ковбойские сапоги. Джон худ, загорел и прохладен. Волосы острижены, зачесаны назад (сейчас он очень похож на свои фотографии пятнадцатилетней давности, только тогда он еще был одним из «Битлз», а теперь уже не был им — колесико времени совершило один оборот).

Джон и Йоко проходят в зал, усаживаются на предназначенные места. Судья Айра Филдстил зачитывает дело: в свое время Леннону было отказано в постоянном жительстве в США, потому что в Англии он привлекался к суду за хранение в своем доме марихуаны. Он подал апелляцию на решение американских иммиграционных властей, суд первой инстанции отказал, дело передали в более высокие инстанции, и этот самый судья Айра Филдстил апелляцию отклонил.

## ДЖОН ЛЕННОН О ДЕЛЕ

«В Англии существовал закон, по которому вы несли ответственность, если у вас в доме находили наркотики, а вы были владельцем этого дома. Теперь закон этот изменен... Я вам клянусь, я не знаю, как у нас в доме оказалась «травка» — ни я, ни Йоко ею не увлекались.

А тогда, в семьдесят первом... Все было прямо как в кино. Заявились под утро человек двадцать с собаками, перерыли весь дом — и, пожалуйста, нашли (кстати, спустя пару лет того сержанта, что руководил операцией, арестовали за всякие темные дела и за наркотики тоже). Скажите, ну зачем нужен целый отряд, чтобы арестовать двоих вполне нормальных людей? Они что думали, я отстреливаться буду?

Я тогда даже оторопел маленько: как такое дело могли соорудить у нас, в старой добропорядочной Англии? Видите ли, у меня тогда еще сидели в голове

детские сказочки про мужественного честного полицейского, который помогает старушке перейти улицу, — я сам себе удивлялся: как все-таки глубоко в нас все это...

Ну, вот мне и отказали в США».

«Нью Мюзикл Экспресс» от себя тогда добавлял:

«Официальная причина для отказа в праве на постоянное жительство? Стоит под следствием в Великобритании. Настоящая причина? Политическая активность Джона Леннона, выступления против войны во Вьетнаме, выступления в поддержку движения индейцев за гражданские права».

Прошло время. И дело Леннона слушается заново. Все знают, что оно будет решено в его пользу, что это только формальность, но ритуал должен быть соблюден. Итак, присутствующие узнают:

что Джон Леннон «не имеет медицинских противопоказаний для проживания в США» (то есть не сумасшедший, не прокаженный и так далее);

что суд прослушал ранее написанные песни Леннона и «в них не было найдено ничего более вредного, чем то, что было известно ранее» (лихо сказано);

что «правительство ознакомилось с финансовым положением Джона Леннона и считает его удовлетворительным налогоплательщиком» (а именно — правительство охотно будет драть с него деньги, благо они есть).

Судья скороговоркой пробормотал, что мистер Леннон, как было установлено расследованием, вероятно, не будет представлять угрозы государству.

Джон клянется на Библии, отвечает на вопросы.

— Кроме обвинения, выдвинутого против вас в Великобритании, были ли когда-либо под судом и следствием?

— Нет.

— Состояли вы когда-либо в коммунистической партии или другой организации, цели которой противоречат целям правительства Соединенных Штатов Америки?

— Нет.

— Намереваетесь вы сделать США местом своего постоянного пребывания?

— Да.

— Каковы ваши планы?

— Я собираюсь жить здесь со своей семьей и писать музыку.

Джон смотрел прямо перед собой, изредка взглядывая на Йоко и улыбаясь ей уголком рта, и она сидела так же прямо все сорок пять минут, лицо ее было спокойно и серьезно.

Адвокат Леон Уайлдес спросил, хочет ли Джон что-либо добавить к своим ответам.

— Я хочу публично поблагодарить тысячи людей, знаменитых и незнамени-

тых, которые открыто или в частном порядке помогали мне все эти трудные годы.

## ДЖОН ЛЕННОН О СЕБЕ

«Мне кажется, нас всегда неправильно понимали (вы знаете мою любимую фразу: «Все правда, и все неправда обо всем»). К примеру, вот набор характеристик, дававшихся мне:

а) «раскованная поэтическая натура», б) «просто хулиган», в) «золотое сердце под кожаной курткой», г) «революционер», д) «злюка, желчный тип», е) «простой парень» (кстати, нас вообще любили называть «простыми парнями из Ливерпуля», будто слово «простой» хоть что-то объясняет).

Мы просто писали и пели песни—это уже критики, а за ними и слушатели превратили их в политику и философию и сделали указателями на пути к иной жизни.

Все эти характеристики неверны еще по одной простой причине — любой человек неоднороден. Мне кажется, я теперь понял, почему мы расстались: повзрослев, мы осознали себя как личности и нам стало тесно в нами же заданных рамках».

...Настроение в зале, которое сначала можно было бы описать словами «полное надежды», затем «оптимистическое», стало «совсем победным», когда судья зачитал вердикт: «Я считаю возможным разрешить мистеру Леннону постоянное проживание в США».

Его спросили, почему он хочет жить в Америке.

— Почти две тысячи лет назад Иосиф Флавий сказал: «Бог теперь в Италии», тогда стоило жить только в Риме. Я не знаю, где живет теперь бог, но мой город — Нью-Йорк, с его мешаниной языков и стилей жизни. И потом, мой родной язык — английский, но у себя дома я персона не очень желательная, и не только из-за того старого дела. Моя жена — японка, а Англия не любит экстравагантности, даже если ее позволяет себе человек из «Битлз».

Как мы отметим наш праздник? Может быть, поедим сейчас домой, Йоко приготовит чай, и мы просто будем сидеть и смотреть друг на друга. А может, пойдём и съедим по мороженому — так и быть, ради такого дня я нарушу бессахарную диету, а, Йоко?

А Йоко продолжала плакать.

Л. РОБИНСОН  
[«Ровесник»].